

ПОВЕСТЬ А.П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ» (ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ А.П. СКАФТЫМОВА)

Наталья Новикова
Россия, Саратов
novikovanv@mail.ru

Аннотация. Данная работа представляет собой публикацию отдельных заметок из рукописного фонда А.П. Скафтымова, посвящённых целенаправленному рассмотрению внутреннего состава повести А.П. Чехова «Степь», а также осмыслению её в контексте прозы, предваряющей пьесу «Чайка». Во вступительной статье все подготовительные материалы, относящиеся к заявленной теме, характеризуются с содержательной стороны, прослеживается выявление замеченных исследователем мотивов, мотивируется порядок расположения рукописных фрагментов, тем самым выявляется логика развития исследовательской мысли применительно к изучению конкретного художественного явления.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Степь», А.П. Скафтымов, время и логика исследования, рукописные материалы.

"THE STEPPE" BY A.P. CHEKHOV (FROM HAND-WRITTEN HERITAGE OF A. P. SKAFTYMOV)

Natalya Novikova
Russia, Saratov
novikovanv@mail.ru

Abstract. This work represents the publication of the separate notes from hand-written fund of A.P. Skaftymov devoted to purposeful consideration of internal structure of the story "The Steppe" by A.P. Chekhov and also to its judgment in the context of the prose preceding the play "Tea". In the introductory article all preparatory materials relating to the announced subject are characterized from the substantial party, identification of the motives noticed by the researcher is traced, the order of arrangement of hand-written fragments is based, the logic of development of a research thought thereby comes to light in relation to studying of the concrete art phenomenon.

Keywords: A.P. Chekhov, "The Steppe", A.P. Skaftymov, time and logic of a research, hand-written materials.

Настоящая работа примыкает к вышедшей ранее, посвящённой повести А.П. Чехова «Скучная история» [Новикова 2018: 131–150]. Уже там было оговорено, что отдельные замечания о ней, а также о «Степи», «Палате № 6», «Моей жизни» появились в черновых набросках А.П. Скафтымова ещё в первой половине 1930-х годов. Постепенно накапливаясь, исследовательские наблюдения и суждения становятся узловыми элементами подготовительных материалов к статье «"Чайка" среди повестей и рассказов Чехова»¹ и затем концептуально значимыми пунктами собственно её содержания. Вместе с тем характер аналитического рассмотрения названных повестей новаторски выявляет

не только точки их соприкосновения с пьесой «Чайка», но и свидетельствует о научной целесообразности, именно для чеховедения 1930–1940-х годов, внеконтекстного, целостного их прочтения. Это отразилось, с учётом поправки на специфичность исследовательской задачи, в статье «О повестях Чехова “Палата № 6” и “Моя жизнь”» (1948).

Следует сказать, что скафтымовские рукописные заметки, в которых упоминается «Степь», а также те, в которых повесть становится предметом специального рассмотрения, частично опубликованы. Они увидели свет в корпусе статьи о «Чайке» среди повестей и рассказов А.П. Чехова [Новикова 2015: 28– 48], в составе подготовительных материалов к ней [Скафтымов 2016: 15– 42] и в подборке упомянутых выше материалов применительно к анализу «Скучной истории». Однако, по нашему мнению, это обстоятельство только способствует целенаправленному, последовательному воспроизведению граней скафтымовского истолкования «Степи», осмыслению существа и динамики этапов прочтения этого глубокого произведения.

Итак, по А.П. Скафтымову, первая повесть А.П. Чехова занимает законное место в ряду предваряющих её появление рассказов, в которых идёт речь «о счастье», как называет исследователь их подборку [Новикова 2018: 138]. Опираясь на скафтымовскую логику осмысления вопроса, отнесём её к самому началу 1930-х годов, возможно, ко времени ознакомления исследователя с томами послемарковского Собрания сочинений А.П. Чехова [Чехов 1931]. Список, возглавляемый «Егерем», охватывает более тридцати чеховских сочинений, включая «Чайку», увидевших свет с середины 1880-х по середину 1890-х годов. Перед нами фактически – канва будущего объёмного полотна, видимая часть исследовательского замысла, органичного для сквозного прочтения перечисленных произведений и потому оригинального для науки об А.П. Чехове начала 1930-х годов. Работа в избранном направлении вскоре продолжится: что характерно для начальной её стадии, арсенал исследователя пополнится заготовками в виде выписок из текстов, прямого их цитирования, в том числе – рассказов «Свирель» (1887) и «Почта» (1887), фигурирующих в списке под заглавием «О счастье». Далее только называется «Рассказ госпожи NN» (1888), но – с красноречивой припиской: «История о счастье. “Степь” (1888) тоже» [Скафтымов 2016: 25]. Вне всякого сомнения, записи эти могли появиться не раньше 1931-го, а то и 1932-го года, то есть не раньше времени выхода из печати соответствующей книги нового Собрания сочинений А.П. Чехова и поступления её в скафтымовскую библиотеку: цитаты сопровождаются указанием тома и страниц по этому изданию.

Следующим, на наш взгляд, является фрагмент, вновь начинающийся обращением к «Егерю»: «Нежность и самодовольство пошлости». «Степь» находится здесь опять-таки в окружении более тридцати чеховских произведений разных жанров прозы и драматургии, но теперь уже относящихся преимущественно к зрелому творчеству «послестеп-

ного» десятилетия. Такой контекст, надо полагать, обеспечивает полноту образно-мотивных связей привлекающей особое внимание А.П. Скафтымова повести, позволяет проследить развитие выявляемых мотивов во всём творчестве А.П. Чехова, осознать его нравственно-психологическую, идейно-эстетическую целостность. В качестве идей первостепенной важности выступают прочувствованные исследователем «сожаление о невозвратно, неправильно ушедшей жизни», мысли об «одиночестве», «безверии», ощущение «томления о счастье и бессмыслия жизни». Что касается собственно «Степи», то, в отличие от всего прочего, запись о ней, как и о «Скучной истории», содержит несколько знаменательных пунктов, указывающих на разграничительное представление учёного о мотивной ткани этапного для А.П. Чехова произведения: «Песня 199. Одиночество» 217. Могилы 235. Счастливый человек (любовь к жене) 243. Скушно мне 250–251» [Новикова 2018: 138]. Думается, за этим стоит намерение проследить наметившиеся мотивные линии: помимо центрального мотива счастья – мотивы мечты о нём, их неосуществимости, тоски, неизбывного одиночества, бездарности существования. По всей видимости, «комплексное» понимание содержательной основы «Степи» могло сложиться у А.П. Скафтымова тоже в первой половине 1930-х годов.

По логике вещей, недалеко от обозреваемого фрагмента отстоит следующий, открывающий ещё один вариант компоновки материала, находящегося в поле зрения исследователя: «К повести “Три года”» [Скафтымов 2016: 27]. Тут же выясняется, что повесть взята как промежуточное звено, ведущее к главному: к прочтению «Чайки». Но как бы ни выстраивал А.П. Скафтымов «прочайкинский» материал, задаваясь целью постичь пьесу сквозь призму авторской прозы, лишней раз убеждаемся в том, что оптимальный путь её постижения был обдуман им изначально. «Степь» в данном наброске возникает, судя по всему, не сразу: название повести, наряду с узнаваемой частью всё той же обоймы («Счастье», «Свирель», «Почта», «Поцелуй», «Красавицы») зафиксировано простым карандашом после основной записи, сделанной фиолетовыми чернилами. О готовности исследователя к нацеленной прорисовке материала говорит одна деталь: все шестнадцать произведений, привлечённых здесь к анализу, даются с обозначением не только года их написания, но и тома, а также первой страницы их печатного текста. Все они, вместе с вышепоименованными рассказами («Весной», «Святою ночью», «Тоска», «Любовь», «Панихида» и др.), действительно тесно связаны с «Чайкой», поскольку, в восприятии А.П. Скафтымова, наполнены «авторскими страданиями: нет счастья». Мотив «утраты больших чувств» ощущается исследователем как наиболее звучный, перекрывающий недавно различаемый им спектр интонаций, нюансирующих разные состояния души. Лейтмотив оттесняет недавнюю мысль о разветвлённости мотивной структуры «Степи», переакцентировка подчёркивает в ней трагическую неполноту, несовершенство

человеческой жизни, что уводит трактовку повести от изначально увиденной в ней сердцевины, когда очевидным было только счастье. Остаётся добавить, что такой аналитический поворот мог возникнуть, о чём свидетельствуют документальные данные, с 1932-го по 1938-й год². Однако, исходя из содержания изучаемого фрагмента, допускаем локализацию этой записи в первой половине обозначенного срока и в определяемой нами очерёдности.

Продолжением разговора о «Степи» является, по-видимому, обращение к ней в наброске, начинающемся словами об «ощущении неустроенности жизни» [Новикова 2018: 138–139]. Такая рядоположенность заметок обуславливается тем, что на обороте рукописного текста – фрагмент машинописной страницы из списка источников к обширному историко-методическому исследованию А.П. Скафтымова «Преподавание литературы в дореволюционной школе (40-е и 60-е годы)», которое впервые было опубликовано в 3-м выпуске Учёных записок Саратовского пединститута за 1938 год. Вероятно, набросок мог появиться или незадолго до этого момента, или – с большей вероятностью – вскоре после него. «Жизнь предст<аёт> уродливой, ненужной, лишённой радости – уточняет исследователь отправное положение. – А внутри тоскующее, желающее, но не находящее выхода и удовлетворения». В качестве убедительных аргументов, подтверждающих сказанное, выступают всё те же «Свирель», «Счастье», «Почта» и «Степь»³, причём повесть, как свидетельствует подчёркивание, предсказуемо наделяется в этой группе произведений особой ролью, скорее всего – квинтэссенции развёрнутого художнического высказывания, буквально подводящего черту под ранним творчеством А.П. Чехова и предопределяющего «линии» дальнейшего движения прозаика и драматурга. По А.П. Скафтымову, «в этой перспективе» проступает «тема интеллигенции» с её «состоянием неустроенности, прострации, душевной обесценинности», «пессимистическими настроениями», «усталостью, надорванностью», «стремлением отгородиться от жизни», в том числе из-за «эгоистич<ных> стремл<ений>», одолевающих, «непобедимых» «мелочности и пошлости». Этот проспект анализа целого пласта чеховского творчества подводит исследователя к революционной по тем временам мысли: «Чехов требует морального, действенного вмешательства в жизнь».

Столь отчётливое резюме отсылает нас ещё к одной научной проблеме, активно разрабатываемой учёным с конца 1930-х годов: «Чехов и Толстой». Детальный План изучения вопроса находим на тетрадных листах в линию, поверх кем-то записанной простым карандашом скафтымовской лекции на тему «Жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского», прочтённой 8 января 1939-го года, на что указывает проставленная в начале её дата [Скафтымов 2016: 18]. План, построенный на сопоставлении чеховского и толстовского осмысления движущих человеком моральных побуждений, включает с чеховской «стороны» целый ряд произведений, уже знакомых по контексту рассмотре-

ния «Степи», и здесь вновь встречаются с этой повестью «Скучная история» и «Чайка». После апелляции к ним, в завершении Плана, А.П. Скафтымов определяет сущностные признаки обоих «центров»: «Т<олстой> застаёт [человека. – *Н.Н.*], когда пробужд<ается> мораль-н<ое> беспокойство. Чехов застаёт человека в моменты ощущений, что ему чего-то не хватает для счастья (“На подводе”, “Степь” и др<угие>)» [Скафтымов 2016: 32].

Следовательно, опыт прочтения «Степи», каким он сложился накануне предстоящего сравнительно-литературного труда, что называется, «от противного» помогает исследователю довершить представление о доминанте толстовского наполнения таких психологически значимых категорий, как «моральное беспокойство, моральная неустроенность и неудовлетворённость».

С точки зрения А.П. Скафтымова, «моральное совершенство» для А.П. Чехова – «не единственный критерий счастья (ценности) жизни, а привходящий. Это у Чехова не отсутствует, но не является исчерпывающим, не превращено в самоцель». Ещё более явственно «скафтымовская» «Степь» просвечивает через заключительное положение Плана: «Цель – счастье, и счастье не <в> мор<альном> совершенстве самом по себе, а во всех радостях жизни, наполненности дух<овными> радостями, духовн<ое> богатство, дух<овное> изящество, широта и красота жизни» [Скафтымов 2016: 32].

Не противоречит высказанной идее и то, что «Степь» оказывается своеобразной константой в разговоре о «самочувствии, жизненном тоне» человека, как правило – пребывающего «в конфликте», что является приметой его «длительного состояния» [Новикова 2018: 139]. Наряду со «Степью» доказательством этого служит половина рассказов «о счастье» из первоначально отобранных исследователем и найденное им «соответств<ие> этому в “Чайке”». В данном случае всё вместе призвано показать «силу обстоятельств» при отсутствии «прямого виновника», «новую мысль» – о «неотвратимости трудной стороны жизни» и как следствие её – нравственный императив: «Быть готовым – терпеть – во имя, ради...». Заметим, что такое понимание нравственно-психологических «готовностей», заложенных в «Степи» и её окружении, было созвучно собственно скафтымовскому, начиная по меньшей мере с середины 1930-х годов, с чем, можем предположить, и связано. Однако в формулу оно отлилось не раньше начала 1940-х годов⁴.

К этому же времени, на наш взгляд, следует отнести ещё одну весьма показательную заготовку: «Рассказы о тоскующем человеке» [Скафтымов 2016: 36]. Сделана она на четвертинке стандартного листа, предназначенного для аспирантских планов, какие использовали скафтымовские подопечные в начале 1940-х годов. Исследователь объединяет обозначенной темой девять чеховских рассказов 1885–1887-го годов, фиксируя при этом не только год их опубликования, но и периодическое

издание, день и месяц выхода его из печати, том и, в отдельных случаях, страницы уже по последнему Собранию сочинений писателя. Названия рассказов можно не приводить, поскольку они в который раз повторяются: «Мелюзга», «Почта», «Святою ночью», «Мечты», «Ванька», «Счастье», «Свирель» и т.д. Таким образом, тщательно выверенный список очерчивает фронт работ в заданном направлении и является фактическим основанием для составления проспекта назревшего исследования: А.П. Скафтымов и в этом отношении оказывается первопроходцем.

Судя по внешнему виду и характеру записи, делалась она в несколько приёмов: описанный блок – фиолетовыми чернилами, после чего – красным и синим карандашами – внесены дополнения, в первую очередь – «Степь». Повесть выступает здесь как собирательный центр, жанровые возможности которого позволяют не только живописать частные истории в их сопоставлении, раскрывая оттенки извечного состояния русской души, но и обобщённо-художнически оценивать «действительное» сравнительно с «желаемым». «Тоскующий человек» дорог А.П. Скафтымову в «Степи», скорее всего, потому, что через него проходят все нити осмысления писателем судьбоносных начал человеческого бытия в лоне природы, тяготения к счастью, невозможности обретения «всех радостей жизни» и по причине обстоятельств, и в силу скудости души, «ненаполненности» её «духовным изяществом, широтой и красотой», чем дышит главная героиня повести. «Тоскующий человек» вскрывает философский пласт «Степи»: программный для автора, по завершении раннего периода его творчества, поиск смысла жизни и идеала прекрасного – вопреки тому, «что мешает» внутренней свободе.

Есть все основания поставить следом за предыдущим фрагмент с заголовком «Степь» **(I.)**: об их идентичности свидетельствуют качество бумаги, цвет чернил, почерк, даже толщина пера. Определяющей же при размещении рукописных заметок является логика развития исследовательской мысли, попытку уяснения которой предпринимаем. В соответствии с этим настанет черёд характерного для А.П. Скафтымова «комментированного чтения», когда текст читается полностью, от начала до конца, целенаправленно и сжато пересказывается, при этом точно цитируется, по ходу – членится на части, а для воссоздания полноты картины и обозначения ключевых моментов сопровождается указанием страниц (в данном случае – по тому же шестому тому «Балухатовского» Собрания сочинений А.П. Чехова). Данный «портрет» «Степи» – почти белого вида, всего с несколькими незначительными зачёркиваниями, несколькими немногословными конкретизирующими вставками чернилами и красным карандашом. Само их появление, а также сделанные красным карандашом подчёркивания, говорят о том, что исследователь возвращался к записи неоднократно, как и свойственно ему. Фрагмент публикуется впервые.

Считаем, что фронтальное прочтение повести оказалось исследовательски востребованным в преддверии большой работы – в первой половине 1940-х годов А.П. Скафтымов пишет статью о «Чайке» среди повестей и рассказов А.П. Чехова⁵. Автор статьи обращается к «Степи» неединожды. Первый раз – подводя итог рассмотрению «Мелюзги», мотив тоски которой проецируется на ряд рассказов, известных уже по фрагментарным наброскам, и на повесть: «Чехов изображает человека, когда он томится, когда то, что ему представляется светлым, хорошим, счастливым, проходит мимо него. <...> “Святою ночью”. “Муж”. “Мечты”. “Ванька”. “Верочка”. “Счастье”. “Почта”. “Поцелуй”. “Степь”. “Красавицы”» [Новикова 2015: 39]. Чуть ниже исследователь выскажется об этом, дифференцированно обобщая свои наблюдения и размышления: «Таким образом, в творчестве Чехова, ещё до “Степи”, определилась специфическая для него сосредоточенность на обнажении того, что человека томит в его обычно-обычном состоянии, что в нём заслоняется чем-то иным, но неизменно живёт и ждёт, и ищет выхода» [Новикова 2015: 43].

Именно к «Степи» возводится представление героев о «предмете желаний», который – «у всех различный»: «Каждый по-своему представляет своё счастье. А иногда и совсем этого никак не представляет. Что-то хорошее где-то существует и грезится издали. В фокусе рисунка остаётся [лишь] передача самого состояния томительной неосуществлённости и неосуществимости каких-то желаний, надежд на лучшее» [Новикова 2015: 41]. Отталкиваясь от примера самого что ни на есть «опредмеченного» истолкования «желаний» в рассказе «Счастье», А.П. Скафтымов касается «трогательной и поэтической» грани этих «желаний» в рассказах «Ванька» и «Святою ночью» и намечает продолжение разговора в том же духе, по нарастающей: «После “Святой ночи” “Степь”» [Новикова 2015: 42].

Исследователь отнюдь не случайно вернётся к этой связке, проговаривая начатое, бережно относясь к услышанной им чеховской подсказке об абсолютном внутреннем родстве нравственно-психологических средоточий этих произведений: «В рассказе “Святою ночью” (1886), целиком построенном тоже на мотивах [бессильного] несостоявшегося и обманутого порыва к какой-то радости, в состоянии тоскующей неудовлетворённости остались трогательные, поэтически возвышенные чувства Иеронима. Чеховская грусть рассказа и состоит именно в том, что поэтический Иероним вместе с умершим другом Николаем, “пересыпавшим свои акафисты цветами, звёздами и лучами солнца”, остались обойдёнными, “непонятыми и одинокими”. В “Степи” эти мотивы получили окончательное раскрытие и полную развёрнутость. О чём томится. Помешать деловой озабоченности» [Новикова 2015: 43]. А.П. Скафтымову понадобится ещё одно возвращение к проникновенной истории Иеронима и его умершего друга, чтобы договорить сказанное, высветив в нём художнические скрепы, которые следует расценивать

как художнические принципы: «Именно эта мысль о заброшенности и забитости в человеке его духовно-возвышенного существа лежит в основе всей творческой разработки повести “Степь”» [Новикова 2015: 45].

Статья содержит в себе не только отдельные и, при всей их краткости, – концептуально важные обращения к «Степи», но и цельный набросок её постижения, вбирающий всё ранее продуманное, сохраняющий аналитические параметры и пафос прочтения повести, переплавляющий россыпь в слиток [Новикова 2015: 45–46]. С нашей точки зрения, правомерна его републикация в составе публикуемых материалов (II.). Обращим внимания на один момент, который был снят А.П. Скафтымовым в рукописи. Зачёркнутым оказалось следующее: «О каком идеале счастья людского у Чехова идёт речь, это трудно обозначить. Трудно не потому, что у Чехова на этот вопрос нет ответа, а потому, что самый [идеал] по своему содержанию трудно поддаётся теоретической формулировке. Об этом говорит поэзия. И Чехов отвечал поэтическим творчеством» [Новикова 2015: 46]. Это признание – эгодокументального характера, благодаря ему приоткрываются и редкостные человеческие чуткость и деликатность, и феноменальные исследовательские чутьё и такт А.П. Скафтымова, без которых проникновение в глубины чеховского мира было бы невозможно.

Заканчивается статья пунктирной проекцией дальнейшего изучения мотива тоски как «тягостности и бессилия тоскующего порыва к далёкому счастью, грубо отодвинутому жизнью» [Новикова 2015: 48], который, по наблюдениям А.П. Скафтымова, чаще всего в такой огласовке пронизывает чеховскую прозу 1890-х годов. Однако мотивированно съединённым, стройным звеньям тематической цепи, сообщаемым исследованию логическую завершённость и целостность, внезапно и, можно сказать, безжалостно находится замена. У автора статьи возникает идея реконструировать её корпус, «переделать: дать не в хронологии, а в системе»:

1. «Мелюзга», «Муж», «Мечты», «Почта», «Ванька», «Гусев», «Бабы», «В ссылке».
2. «Счастье». «Степь». «Красавицы». «Дом с мезонином».
3. Любовь: «Егеръ». «Шуточка». «Верочка». «Поцелуй». «Рассказ <госпожи> NN». «Бабе царство». «Три года».
4. «Скучная история». «Чёрный монах».

[Новикова 2015: 48].

А поскольку другая структура, четырёхступенчатая, осталась не реализованной, статье как неоконченной суждено было лечь в стол. И тем не менее следует подчеркнуть, что «Степи» и в ней отводится центральное место.

Не удивительно, что, казалось бы, после прерывания сосредоточенных занятий первой чеховской повестью А.П. Скафтымов продолжает находиться в поле её притяжения. Не раньше конца января 1945-го года⁶ он ставит перед собой вопрос о «Степи» «как важнейшем этапе в формировании творческого метода Чехова» (III.). Ещё свежо ощущение факту-

ры текста и вместе с тем возникает расстояние, с которого «большое видится» наиболее отчётливо. набросок публикуется впервые.

Потребность – и готовность! – укрупнить высказывание побуждает исследователя активизировать размышления о «Степи». Не иначе как вторым постскриптомом является запись на обороте официального бланка, датированного июнем 1945 года⁷. Считаем повторную публикацию её уместной в ряду финальных реплик А.П. Скафтымова о «Степи» (IV.). Здесь и квинтэссенция заключительных слов о чеховском человеке «в повестях и рассказах», и наконец найденные первые слова для отложенной на неопределённое время статьи о «Чайке» в контексте чеховской прозы [Скафтымов 2016: 41–42].

Мартом 1947-го года датирован «бумагоносите́ль»⁸, на котором – последнее из найденных в своде рукописных заметок А.П. Скафтымова упоминание о «Степи» (V.). Повесть появляется здесь, что называется, по касательной, в связи с интересом исследователя к «структурным особенностям вн<ешней> и внутр<енней> речи, их соотношению, общности, сходству, различию. <...> Художественно-психологической оправданности видов речи».

Повесть, как видим, остаётся знаковым явлением в научной практике исследователя, когда главное о ней им уже сказано и, безусловно, потому что сказано.

I.

«Степь»

I. Степь⁹. Тон и колорит. Задумчивая даль¹⁰. Скука жизни. 193¹¹

Томленье о счастье.

Люди вне жизни – Кузьмичов – «деловая сухость».

II. Привал. Тот же колорит. Дремота.

«Пела трава» – грустно и жалко себя. 199

Кузьмичов и Христофор – противополо<жности>. – 199

III. На постоялом дворе.

Убожество, мрак, тусклость, серость. 205

«Ничего похожего на украшения». Одна нужда. Где свобода, люди перестают быть

собою. Соломон – но он¹² смешон. 207, 209, 212¹³

Дурного нет, доброе, но ... связаны¹⁴

Даже Христофор становится иным. 214¹⁵

Драницкая – светлая, чистая, нежная тень¹⁶.

IV. Степь одинока. Ненужная пропадающая красота. 217, 219¹⁷

Люди в обозе¹⁸. Люди жалкие и несчастные. 222–223¹⁹

В деревне скучно, сонная одурь²⁰.
На обороте

V. Обоз у реки. Скука. Скучные люди.
Скучные будни. Томятся жизнью. Будто
в прошлом хорошо «оскорблены и обижены
жизнью». 232²¹

VI. От маленькой жалкой людской жизни
переход к широчайшим масштабам²² и
перспективам²³. Ночь в степи.
«Звёзды, глядящие с неба уже тысячи лет...»
«сущность жизни представляется ужасной,
отчаянной...»²⁴ Затерянность человека²⁵ в этой
огромной теперь жизни. 233²⁶
Дали пространства и времени²⁷. 234²⁸ 235²⁹
Тоскующие³⁰ могилы. Крест. Разговоры о страшном. 235³¹.
Почему фантастически страшное
находит отклик. 239
Мало этой жизни, либо какой-то иной³².
Счастливый человек³³ и Дымов – 243, Емельян – 243.
И всем захотелось счастья... 243
Прижаться бессильно к поэтическому³⁴.
Люди: «деловая сухость» Варламова. 246.

VII. Косвенное выражение тоски – раздражение.
Дымов придирается. – 247.
Дымов просит прощения: жизнь лютая. – 249.
Гроза. Мальчик. Ему плохо³⁵.

VIII. Приехали... Мальчик. Все к нему хорошо.
Но тревога за него перед этой огромной жизнью.

II.

Повесть «Степь», как и все только что названные рассказы, говорит о счастье, которого люди не имеют и о котором всегда тоскуют. По всей конструкции, по всем деталям расстановки фигур и общего рисунка повесть исключительно типична для творчества Чехова.

Чехова интересует состояние человека в его обычном самочувствии, в буднях жизни. Повесть бессюжетна. Здесь нет событий. Все лица обрисованы, главным образом, под вопросом: как каждый из них чувствует себя в себе, т<о> е<сть> как переживает свою жизнь в смысле общего эмоционального тона, доволен ли он, что его томит? В веренице пережитых самых простых и обычных впечатлений встречаются

поводы и моменты, где находит себе выражение присутствие скрытой и тоскующей неудовлетворённости. На фоне зовущих степных далей показана трудность, серость, бесцветность жизни человеческой. Жизнь бедна чувствами. Богатые (Кузьмичёв, Варламов) поглощены хлопотами о наживе, бедные (крестьяне, объездчики) забиты суровым трудом и постоянной нуждой. Высшие радости красоты и духовной человечности никому не ведомы. Никто не знает счастья. Счастьем дышит лишь одна природа. «В трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах» и пр<очем>» <...> до: «богатство её и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые, никому не нужные».

1) Но все о чём-то грезят, чего-то ждут. Все хотят какой-то «настоящей жизни», не зная, где она.

2) Когда обозники увидели Константина, влюблённого и «счастливого до тоски», «всем стало скучно и захотелось тоже счастья».

3) Скучает Пантелей, задумчивый старик, переживший свою страшную жизнь и, тоскуя, покорно дожидаящийся смерти, скучает Емельян, страстный любитель пения, изуродованный болезнью и страдающий от своей хрипоты и отсутствия голоса, скучает Дымов, чувствующий, как жизнь проходит мимо, и не знающий, куда девать свою удаль и нерастрач<енную> силу.

4) «Жизнь страшна и чудесна», и каждый о ней по-своему «думает в одиночку».

III.

Повесть «Степь» как важнейший этап в формировании творческого метода Чехова³⁶

1) Литература о «Степи».

2) История³⁷ написания и анализ «Степи».

Выводы об особенностях творч<еского> метода Чехова³⁸, получивших выражение в «Степи».

а) Изображение человека, подход со стороны установления внутр<еннего> самочувствия. Как чувствует себя в себе. Не со стороны этического самочувствия, как у Т<олсто>го, а со стороны внутреннего тонуса. Эмоциональный тон ощущения своей жизни (удовлетворение, неудовлетворённость, радость, скука, довольствие, недовол<ьство>, счастлив, несчастлив и пр<очее>).

б) Тонус в его длительном, буднично обычном, преобладающем

состоянии. Не как случай, а
как привычная, наиболее постоянная
норма самочувствия.

с) Отсюда интерес не³⁹ к событиям,
а к обычно-будничным состояниям (будни
жизни, человек в обычной для него
обстановке). Бессобытийность⁴⁰.
Бессюжетность в композиции.

d) Настоящая констатация и каждого⁴¹ несоответствия
своей жизни тому, чего бы от неё
хотелось. В человеке всегда
присутствует нечто, что не укладывается,
не осуществляется жизнью.
Состояние томления о каком-то
Неведомом⁴², но предполагаемом счастье.

e) Способы выражения этого тоскующего
чувства⁴³: 1) будни жизни, серость,
неприглядность, бедность жизни,
будни – серые, бедность чувствами.
2) поводы и моменты, где
выражается скрытое⁴⁴ присутствие
тоскующей неудовлетворённости,
в чём и как выражается
эта неудовлетворённость
(бытовое выражение в текущем,
в тех же бытовых мелочах,
как бы сквозь них).

Роль природы в т<орчест>ве Чехова⁴⁵
сравнительно со «Степью»
(природа зовёт...)
<нрзб. одно слово>⁴⁶.

IV.

Чехов впервые подглядел, что всем другой
жизни хочется.

Захватывает человека в ту минуту, когда
человек находится в каком-то душевном полёте,
когда в подъёме светлого и чистого, поэтического
и невинного обстановкой ощущает,
что жизнь замусорена, искалечена, не та
равнодушием, безучастием, деловой

сухостью, мелкими помыслами, заботой,
нуждой, тщеславием, грубостью чувств и грубостью
желаний.⁴⁷

Итак – в повестях и рассказах:

Человек в полёте желаний.

На фоне длительных и беспощадно-неустроенных будней.

Это одно. Жизнь в суммирующем итоге.

Другое:

Одиночество. Расходимость, рознь между
людьми. Бессильное томление о неведомом
счастье сочетается с одиночеством. Это
томление всегда одиноко, не делимо,
у всякого по-своему. (В «Степи», напр<имер>, не понимают
поющего).

Мир желаемого различен. Узкое своё.

Взять к этому примеров из пов<естей> и расс<казов>
и применить к «Чайке».

Начать так: Приходилось говорить о том, в чём
состоит главный жизненный драматизм, воспроизводимый
в пьесах Чехова. Хочу отметить, что этот драматизм принадлежит не
только пьесам, <но> и повестям и рассказам.

V.

– Структурные особенности вн<ешней> и внутр<енней> речи, их соотношение, общность, сходство, различие. Структурная и функциональная множественность.

Художественно-психологическая оправданность видов речи.

– Монологи. Эмоции. Этич<еский> смысл.

Внутр<енний> голос.

– Чехов и Г. Мопассан.

Сочет<ание> вн<ешнего> и внутр<еннего> рис<унка> в единстве. 176⁴⁸

Бормотанье: Денис «Злоумышленник»

Пантелей «Степь»

Токарь

Иона «Тоска»

Попрыгунья

Маша в «Т<рёх> с<ёстрах>»⁴⁹.

Далёкость от книжной речи.

Спутанность.

Навязчивые слова.

Неполнота словесного выражения.

Отражение интимной психологии
персонажей.

У Т<олсто>го «внутренний голос» – у Чехова слабее (Рагин
Старцев
«Жена»
«Поцелуй»).

Их содержание: «неудовлетворённость» сложившимися формами
жизни, размышл<ения> о смысле жизни и мечты
о радостной светлой жизни в будущем». 183⁵⁰

– Сновидцы – сходство. 188 – Варька⁵¹, Егорушка.

Слияние и деформация образов
в сознании засыпающего.

Подсознательное превращение одних
образов в другие.

Различия – у Чехова образное преобладает.

Самочувствие Володи ср<авнить> у Толстого – смерть

Праскухина, 2-й сев<астопольский> рассказ.

«Палата № 6» – стадо оленей.

Примечания

1. Статья, написание которой по ряду признаков (см. ниже) можно отнести к 1941–1943-му годам, осталась незаконченной, и, по всей видимости, не столько потому, что не доведена до конца её отделка, а потому, что по завершении работы у исследователя возникла мысль «переделать» её: аналитический материал «дать не в хронологии, а в системе». До недавнего времени находилась в кафедральном архиве, сохраняемом профессором Е.П. Никитиной; первая (неполная) её публикация состоялась в 1998-м году, целиком опубликована в 2015-м [Новикова 2015: 28-48]. Подготовительные материалы к статье были опубликованы вслед за ней [Скафтымов 2016: 15-42].
2. Дело в том, что на обороте этой записи – часть машинописного текста с заголовками: «Установочная сессия для нового набора. Исторический факультет», «Установочная сессия нового набора. Литературный факультет». Резонно предположить, что такого рода официальные бумаги могли оказаться в руках А.П. Скафтымова, когда он имел прямое отношение к руководству этого учебного подразделения в качестве «заведующего литературным отделением (до 1934 г.), декана факультета русского языка и литературы Пединститута» [Прозоров 2018: 255–256].
3. Здесь и далее – подчёркнуто в рукописи.
4. На обороте записи – фрагмент разграфлённого от руки почасового плана текущих занятий аспиранта А.Ф. Будникова на 1940–1941-й учебный год.
5. Датировка статьи не вызывала бы особых затруднений, поскольку текст размещается на тетрадных листах, оборотной стороной которых являются датированные извлечения из индивидуальных аспирантских планов 1940–1941-го учебного года и Повестка дня запланированного на 7-е июня 1943 года заседания исполкома Октябрьского райсовета депутатов трудящихся, членом которого «товарищ Скафтымов» был, если бы не Протокол заседания экзаменационной комиссии, составленный профессором А.П. Скафтымовым (экзаменуется по русской литературе аспирант С.М. Гранин, председателем комиссии назван заместитель директора пединститута по учебной части профессор Н.Ф. Познанский). Наличие документа, дата которого не проставлена, побуждает опираться опять-таки на исследовательскую логику, так как определить точное время конкретного экзамена не представляется возможным: А.П. Скафтымов был профессором пединститута с 1931-го по 1948-й год, последние четыре года – по совместительству, получив кафедру в университете. Полагаем, в таком случае не будет ошибкой отнести запись предположительно к тому же вре-

мени, что и остальные, то есть к первой половине 1940-х годов, примерно к 1941–1943-му, самое позднее – к середине десятилетия.

6. Запись ведётся фиолетовыми чернилами на листе размером 10х17,5. Судя по записи на обороте, бумага представляет собой половину официального сообщения, датированного 27-м января 1945-го года: «Александр Павлович! Ввиду изменившихся обстоятельств дирекция партийной школы просит Вас прочитать лекцию на тему “Тургенев” (2 часа) в пятницу 2 / II / 45 г<ода> в 3 ч<аса> 30 м<инут>. Если Вас не устраивает это время и день, сообщите Ваше пожелание».
7. Запись ведётся фиолетовыми чернилами. На обороте – верхняя часть официального бланка типографской печати, на котором начало письма к А.П. Скафтымову. Рукой секретаря – просьба Григория Александровича Гуковского, тогдашнего проректора:

НКП – РСФСР
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н.Г. Чернышевского
ПРОРЕКТОР ПО НАУЧНО-УЧЕБНОЙ ЧАСТИ

« 4 » июня 1945 г<ода>

Ув<ажаемый> Александр Павлович!

Григ<орий> Ал<ександрович> просит Вас сегодня зайти к нему на квартиру, как только Вы сможете, он хотел идти к Вам, но Вас <...>.

На этом запись в прямом смысле слова обрывается.

8. Запись ведётся на обороте официальной бумаги, в левом верхнем углу которой – печать Саратовского областного комитета ВЛКСМ и дата (19 марта 1947 года):

«Уважаемый товарищ Скафтымов!

Комиссия по проведению Пушкинских чтений посылает Вам на рецензию лекцию тов. Пенцовой А.Г. “Пушкин и народное творчество”.

Заседание комиссии состоится 20 марта в 7 час. вечера в здании Обкома ВЛКСМ (Волжская 32). Комиссия по проведению Пушкинских чтений».

9. Запись ведётся фиолетовыми чернилами на листке размером 10х14.

10. Далее зачёркнуто: «Неподвиж».

11. Страницы здесь и далее указываются по: Чехов А.П. Степь // Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. А.В. Луначарского и С.Д. Балухатого. Т. VI. М.-Л.: ГИХЛ, 1931 [Чехов 1931].

12. Местоимение вставлено над строкой.

13. Страница вставлена красным карандашом.

14. Здесь и далее многоточие – в рукописи.

15. Подчёркнуто красным карандашом.

16. Далее зачёркнуто: «Ночь в степи».

17. Подчёркнуто красным карандашом.

18. Вставлено над зачёркнутым: «Мальчик», подчёркнуто красным карандашом.

19. Подчёркнуто красным карандашом.

20. Вписано красным карандашом.

21. Страница вставлена и подчёркнута красным карандашом.

22. Подчёркнуто красным карандашом.

23. Подчёркнуто чернилами.

24. Подчёркнуто красным карандашом.

25. Подчёркнуто чернилами.

26. Подчёркнуто чернилами.

27. Подчёркнуто красным карандашом, «времени» ещё и чернилами.

28. Вписано над строкой красным карандашом.

29. Подчёркнуто чернилами.

30. Вставлено над строкой.

31. Подчёркнуто чернилами, двумя чертами.

32. Вставлено между строк красным карандашом.

33. Здесь и далее подчёркнуто красным карандашом.

34. Предложение вставлено между строк, «бессильно» - над ним.

35. Предложение вписано красным карандашом.
36. После «как» вставлено сверху: «один из узловых моментов».
37. Далее зачёркнуто: «формирования».
38. Далее зачёркнуто: «выраж».
39. «Не» синим карандашом вставлено над строкой.
40. Здесь и далее подчёркнуто красным карандашом. Далее – на обороте.
41. Уточнение вставлено над строкой.
42. Подчёркнуто синим карандашом.
43. Здесь и далее подчёркнуто красным карандашом.
44. Слово вставлено над строкой.
45. Слева от строки – две косых черты.
46. Дописано красным карандашом.
47. Черта, делящая страницу пополам – в рукописи.
48. Исследование, по которому указывается страница, идентифицировать не удалось.
49. Справа от перечня имён и названий – косая черта, за которой, наискосок – приводимый далее абзац.
50. Героиня рассказа «Спать хочется», текст которого предшествует «Степи». Указана страница рассказа.
51. См. сноску 48.

Литература

- Новикова Н.В. Из рукописей А.П. Скафтымова: «"Чайка" среди повестей и рассказов А.П. Чехова» // Наследие А.П. Скафтымова и актуальные проблемы изучения отечественной драматургии и прозы: Материалы Вторых международных Скафтымовских чтений. М., 2015. – С. 28-48.
- Новикова Н. В. Повесть А. П. Чехова «Скучная история» (из рукописного наследия А. П. Скафтымова) // Inskrypcje. Półrocznik, R.VI, 2018, z.1 (10), Рр. 131-150.
- Прозоров В.В. Скафтымов Александр Павлович // Литературоведы Саратовского университета. 1917-2017: Материалы к биографическому словарю. Саратов, 2018. С. 255–268.
- Скафтымов А.П. «Чайка» среди повестей и рассказов Чехова (подготовительные материалы). Публикация, вступительная статья, комментарии Н.В. Новиковой // «Чайка». Продолжение полёта. По материалам Третьих международных Скафтымовских чтений «Пьеса А.П. Чехова "Чайка" в контексте современного искусства и литературы» – к 120-летию со дня написания и 125-летию со дня рождения А.П. Скафтымова. М., 2016. – С. 15-42.
- Чехов А.П. Степь // Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. А.В. Луначарского и С.Д. Балухатого. Т. VI. М.-Л., 1931.

Новикова Наталья Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и арубежной литературы, Институт филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Novikova Natalia – PhD, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology and Journalism, National Research Saratov State University.

Contact details / Dane kontaktowe:

Новикова Наталья Владиславовна – Институт филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. 410012. Россия. Саратов, ул. Астраханская, 83, 11-й корпус СГУ (ИФиЖ).